

Однажды в студёную зимнюю пору — нет, не зимнюю, осеннюю рыбную, мы с другом Алексеем собрались неводить на моторной лодке. Стояла погода — просто загляденье, штиль на реке, то есть всё располагало к удачной рыбалке. Сборы были недолгие, всё отточено за долгие годы: невод, верёвки, соль и немного тары под рыбу (как учил меня отец, если взял много тары, рыбу не поймает). Помню поездки с отцом: рыбу приходилось «высыпать» в колпаки из-под моторов или в ящики, найденные на берегу. Всё собрано — нет, оказалось, не всё. Как потом обнаружилось, не взяли «сто грамм», потом, естественно, сожалели, мучила совесть, до сих пор остался нехороший осадок. Лодку на телегу — и на Енисей, прогреваем мотор и мчимся навстречу необъяснимым чувствам, которые понятны только рыбакам. Мурашки по коже, мысли о рыбалке: «Где рыбачить? А если не будет, то куда?» Прокручиваешь разные варианты, лишь бы поймать заветную рыбу. Жена, если я приезжаю пустой, встречает всегда с заготовленной фразой: «Что? Отдыхать ездили?» Поэтому всегда приходится ловить даже

там, где рыбы нет, вариант попасть в немилость даже не рассматривается. И вот мы уже на месте. Разжигаем костёр, ставим чайник, приятно обдаёт дымком, начинается прелюдия к рыбалке, разговор о берегах родной реки. Приехали мы за тугунком — это необыкновенная рыба: во-первых, она маленькая, во-вторых, она очень вкусная. Я ещё помню с института: семейство сиговые, род нельма, который делится всего на два рода, род нельма и род тугун. Тугунка называют «наркотиком»: если кто попробует — подсаживается на него.

В период учёбы в Иркутске, помню, привозил различную рыбу и, естественно, угощал товарищей, наблюдая, кто как ест. Кто-то ест, прихваливая, и из таких товарищей помню Витальку Киштаева, рейтинг отношения к рыбе — максимальный. А кто-то ест, оставляя большие куски и забыв даже сказать за угощение спасибо, были и такие товарищи. У меня есть выражение: «Если человек не ест рыбу, то в момент принятия спиртного у меня падает к нему уважение», — и это действительно так. Вскипел долгожданный чайник, беседа стала протекать более романтично. Чай почти как спиртное: иногда заставляет человека рассказать то, чего никогда бы не рассказал. Я, естественно, воспользовался ситуацией и спросил у товарища, нет ли у него «лишней» доски дома и не сможет ли он мне её «одолжить» ненадолго. Когда получи положительный ответ, чай для меня приобрёл оттенки аромата, которые до этого не ощущались. Я вообще умею управлять своими вкусами, особенно в такие подходящие моменты. Да, забыл объяснить, почему мы не сразу ринулись в бой. Тугунок подходит к берегу, когда наступает темнота, и выдержать, не начать раньше — для меня испытание. Леха насчёт этого молодец, он может, в отличие от меня, отличить момент начала рыбалки от неначала.

— Лёха, ну что, пора?

— Юрик, ты же сам знаешь, что ещё рано, — вежливо отвечает друг.

И наконец я услышал долгожданное, выстраданное:

— Пора!

Распускаем невод; слышен ласкающий звук сползающего невода, нарастает напряжение, переходящее в ожидание хорошего улова. Темнота достигла своего апогея, видно на берегу лишь налобный фонарь товарища, бережно тянущего верёвку. Подъезжаю потихоньку к берегу, подводя второй конец верёвки, и вижу недалеко от берега корягу, которой вчера точно не было.

— Лёха, обходи корягу, — кричу я с лодки, ворча на корягу как на одушевлённый предмет.

Вот лодка ткнулась в берег, раздался «ласкающий» звук алюминия о камни, и мы начали подтаскивать оба конца невода. Рыбалка на тугунка особенная: особенна тем, что, когда подводишь невод к берегу и тугуна много, раздаётся шелест трепещущей рыбы, от которого поднимается настроение. Но в данный момент шелеста мы не услышали, настроение, как вы понимаете, было не ахти, поэтому начали искать причины неудачи: а может, рано закинули; а может, рано вытащили бережную верёвку; а может, надо было дольше проплыть; а может, из-за того, что не взяли спиртное и была нарушена некая идиллия. И тут мы вспомнили, что в молодости всегда брали сто грамм и обязательно чёрный хлеб и первого тугунка макали в соль, закусывая им первую стопку; при этом ощущался вкус свежего огурца, который добавлял необыкновенный колорит данной трапезе. Собрав невод на нос лодки, мы были готовы к новой тоне, но на данном месте перспектив не было, и дальнейшее мучение не оправдалось бы наверняка.

И здесь мы вспомнили о загадочной коряге, которая нам помешала нормально притониться к берегу. Подойдя к ней, к коряге, мы с огромным удивлением увидели мёртвого медведя, который, цепляясь лапами за дно, никуда не уплывал. С большой осторожностью мы начали тыкать его: вдруг он раненый? Но медведь не подавал никаких признаков жизни. Я человек хозяйственный, и мне сразу начали идти в голову незатейливые, простые

мысли: лапы, желчь, шкура — одним словом, халява, а это неожиданная, такая приятная прибыль. Осмотрев его основательно, пронюхав и прощупав, мы, создав консилиум, пришли к выводу, что инстанция свежая, убитая кем-то и брошенная почему-то. Обдирать его сейчас — долго, темно, настроение не очень из-за плохого начала рыбалки, да, по сути, и рыбалке на сегодня пришёл бы конец, чего, конечно бы, не хотелось. Что же делать? Оставить медведя на месте и продолжить рыбалку, а завтра приехать за ним? Этот вариант не годился. Во-первых, утром рано не получится, так как рыбалка может продолжиться всю ночь; во-вторых, может найтись другой товарищ, который нам совсем не товарищ, обдерёт, и никаких претензий ему не выставишь; в-третьих, инспекция, которой попробуй объясни, что это не ты убил, что ты простой отдыхающий, проезжавший мимо, вознаграждённый необыкновенной удачей в виде медведя; ну и, в-четвёртых, лишние глаза, которые на тебя бы тыкали и говорили: «Он совсем обнаглел: обдирает среди бела дня! Ни стыда ни совести!»

И тут меня осенила авантюра; кстати, мой сотоварищ потом, по истечении двух лет, написал мне поздравление в виде стиха, где меня обозвал «Юра-авантюра», за что я ему очень благодарен. Вообще, у нас с ним хорошие отношения. Сидим мы с ним за сто километров от посёлка, на маленькой речке, около зимовья, и я не могу найти свой охотничий нож. Я ему говорю: «Я начинаю кого-то подозревать». Он отвечает, улыбаясь: «Да».

Да в чём авантюра? Забросить медведя в нашу лодку «Крым» и продолжить рыбалку, переехав на другое секретное место, в крошечной темноте, без приборов навигации. Поясняю, почему секретное место: потому что я его открыл и там, кроме меня, никто не рыбачил. Как словом, так и делом: по двум палкам, найденным на берегу, мы с большим трудом закатали медведя, благо он был не огромный, но килограммов сто восемьдесят, если, конечно, я не обманываю. Помыв руки и смыв пот

с усталых, но счастливых лиц, мы двинулись, то есть поехали, на новое, как я уже говорил, секретное место, манящее и обнадеживавшее своей новизной. В крошечной темноте, без включённых фонариков, так как фонарь ослепляет глаза и вообще впереди ничего не видно, наша лодка разрешила ночную тишину. В какой-то мере тишина приятная, так как наличие волны лишало бы удачной рыбалки, но, с другой стороны, нагнетающая, потому что начали закрадываться сомнения: а медведь окончательно мёртвый? а вдруг он получил дозу кислорода и в момент закатывания произошёл произвольный массаж сердца? И надо же такому совпадению! Весло соскакивает с уключины и бьёт мне по ноге. И тут я вспомнил всё своё детство, свою учёбу в институте, всех тех, кто не отдал мне денежный долг, про тех, кто не налил в трудную минуту, — жизнь, как говорят, пробежала перед глазами. Всё тело онемело от страха, я вжался, напрягся, но сразу, чтобы не было домысливания, скажу: другого ничего не было. Кроме шуток, было очень страшно: ты выпрыгнуть никуда не можешь, убежать, спрятаться тоже невозможно. Постепенно я совладал со страхом, ведь я же охотовед как-никак, какой-никакой. «Будь мужчиной», — сказал я себе, не веря самому себе, что это действительно так. Но всё-таки я победил страх и пнул медведя, сказав: «Да лежи ты уже спокойно». Я в этом моменте, по истечении времени, жалею, что не видел глаз — не медведя, конечно, а моего напарника, там наверняка много было написано неизданного мною в нём.

Наконец мы доехали до места. И только хотели начать рыбалку, вдруг подъезжает лодка, и, не видя нас, двое рыбаков начинают проверять ставные сети. Естественно, мы затаились, так как не хотели выказывать секретное место, и, осмелев, Лёха даже предложил разбудить медведя, чтобы он избавил нас от неожиданных гостей. Шутка, конечно, прошла, но произнесена она была голосом Вичина из фильма Гайдая, так как до конца уверенности в «невоскрешении» медведя ещё не было. Наконец-то мы

дождались отъезда непрощенных гостей и вслед высказали про них всё, что думаем. Мотор работает — они ничего не слышат, зато мы ощущаем себя героями, произошла моральная разгрузка. Забыл сказать, что перед отъездом мне позвонила женщина и заказала ведро тугунка. Она выезжала рано утром на «Метеоре» в Енисейск и потом дальше, через Красноярск в Ачинск. А если я пообещал, то должен сделать, то есть вариантов не рыбалки не было. Оставшись одни наедине с природой, опять забыл — не с природой, а с медведем, мы начали рыбачить. Медведь лежал по-прежнему в лодке, Лёха на берегу, а я, как мужик и хозяин лодки, в ней самой. На этом месте ожидания наши оправдались, рыбалка оказалась удачной, мы услышали «шелест» тугуна, пойманного в невод; короче говоря, наш — нет, скорее мой, аппетит был приглушён. Но осталось ещё одно дело: отвезти и продать ведро тугунка, но это уже в посёлке.

Удачно доехав до нашего посёлка, мы загрузили лодку вместе с медведем и поехали через весь посёлок по центральной улице к женщине, заказавшей ведро тугунка. Тамара Ивановна, пожилая женщина, некогда работавшая завхозом в заповеднике вместе со мной, ждала нас перед оградой. Как назло, улица освещалась очень хорошо, и ничем не прикрытый медведь, к которому мы уже настолько привыкли, наверняка мог вызвать неадекватную реакцию со стороны Тамары Ивановны, поэтому, выскочив из ещё не остановившейся машины, я извинился перед ней и попросил её не смотреть в лодку, сказав, что завтра позвоню и объясню, в чём причина моего такого поведения. Я, забегая вперёд, сдержал слово и позвонил ей на следующий день, объяснив нестандартную ситуацию. Забрав деньги за ведро тугунка, мы, снова счастливые, поехали ко мне домой. Приехав, загнали телегу с тем же содержимым прямо ко мне в ограду, благо у меня хороший забор, через который ничего не видно, что мне очень нравится. Бывало, выйдешь в ограду и... Что-то я разоткровенничался, извините, я хоть и не Остап, но

всё равно понесло. Разделив остаток рыбы и попрощавшись друг с другом, мы с чувством ещё не выполненного долга, так как медведь был ещё не ободран, разбрелись по домам. Сил на подведение итогов, как меня учили в школе, анализ и синтез, естественно, не было, пришлось перенести на завтра.

Когда зашёл домой, меня мучил вопрос: а вдруг завтра, пока я буду спать, жена или дети заглянут в лодку? Благо жена всегда, как я прихожу, просыпается и спрашивает, что поймал, а наутро, бывает, не помнит, что спрашивала. Главное — она проснулась, и я ей успел сказать, чтобы не заглядывали в лодку. Как выяснилось, жена полночи, нет, полутра не могла уснуть, пытаюсь разгадать загадку. Наутро, созвонившись с товарищем, мы повезли ту же лодку с тем самым медведем в другой конец посёлка, к моей маме в ограду, где не было посторонних глаз, и сделали то, что делают с убитым медведем.

Вот такая невероятная история произошла с нами два года назад.